

АНДРЕЙ ПРОКОПЮК

ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА ИЛЛЮЗИЙ

Андрей Прокопюк

Лицевая сторона иллюзий

«Автор»

2026

Прокопюк А.

Лицевая сторона иллюзий / А. Прокопюк — «Автор», 2026

Пять очень разных историй. Сюрреалистическое путешествие по миру иллюзий. Попытка найти путь в другую реальность. Искусственный рай, который оказывается опаснее настоящего мира. И рассказ, в котором уже нет фантастики — только жизнь такой, какой она бывает. Кажется, что эти произведения не связаны между собой. Но постепенно они складываются в единое целое. Все герои пытаются сбежать. В искусственные миры. В чужие идеи. В любовь. В науку. В мечту о другом рае. Но чем убедительнее становится иллюзия, тем страшнее момент, когда она начинает трескаться.

© Прокопюк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Станция Южная	6
Светофор I	6
Путь булавок	8
Светофор II	12
Путь иголок	13
Светофор III	17
Третий путь	18
Водопад	20
Станция Южная, 100 м	21
Станция Южная	24
Станция Северная	25
I	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Прокопюк

Лицевая сторона иллюзий

От автора

Здесь представлены пять историй, очень разных как по эмоциональной окраске, так и по степени абстрагирования от реальной жизни. Всё начинается со «Станции Южной», такой постмодернистской игры, продолжается через фантастику и заканчивается рассказом «Таня», абсолютно лишённым небывалых идей. Несмотря на расположение в конце, этот рассказ имеет подзаголовок «Вместо предисловия» — так мне хотелось передать его роль: он приземляет ключевую тему, показывает пример из повседневной жизни.

Все истории объединяет идея иллюзий, в которых мы живём. Всегда неизбежных, иногда спасительных, но всё же опасных, так как рано или поздно наступает момент, когда иллюзия вступает в конфликт с объективной реальностью.

Станция Южная

Всё иллюзия. Понятно, и предыдущее суждение тоже.
Станислав Ежи Лец

Светофор I

«Жду тебя на станции Южная», — говорилось в записке от брата, оставленной в баре «Пёстрая корова». Рядом с запиской располагались пустые кружки, недоеденная картошка фри, а также всякие иные предметы, названия которых Алиса пыталась вспомнить, но ей это не удавалось.

Память подводила Алису. Она была уверена, что брат в опасности и нужно спешить ему на помощь, но о причинах такого вывода в голове были лишь бессвязные отрывки. Совсем недавно Алисе звонил кто-то, и звали его лейтенант, кажется, Волков. Или Зайцев. Он убеждал, что может навредить брату... После Алиса бежала по лестнице, через двор, потом её резко толкнули, она долго падала по тёмному колодцу и оказалась здесь.

Правда ли этот Зайцев (или Волков) был лейтенантом? И что значит «звонил»?

Бар находился в тупике, от него вглубь города вела единственная дорога, зажатая между домами — улица Рассветная. Карты у Алисы не было, но пока не встречалось и развилка.

Над невысокими домами вставало солнце, но было ещё совсем рано, в воздухе ещё сохранился запах летней ночи.

Алиса шла вперёд, глядя на мох, растущий на деревьях. Если мох растёт на северной стороне дерева, значит, путь ведёт Алису на юг. Это выглядело верным направлением, ведь станция Южная должна быть на юге.

Улица Рассветная закончилась перекрёстком. Установленный здесь дорожный указатель говорил, что налево уходила улица Путь булавок, а направо — Путь иголок. Прямо, кажется, тоже когда-то шла дорога, на указателе было покрашенное направление. Но сейчас третья дорога совершенно отсутствовала, и даже взгляд на её предполагаемом месте не удавалось сфокусировать.

Светофор, который Алиса увидела издалека, менял цвета как будто в положенном ему порядке, тем не менее, посреди перекрёстка стоял регулировщик и подавал сигналы, противоположные светофору. Проезжать по его указаниям нужно было строго на красный, а на зелёный — стоять.

— Простите, — обратилась Алиса к регулировщику. — Не подскажете, как пройти на станцию Южная?

— Занят! — рявкнул регулировщик. — Нельзя отвлекаться. Там напарник.

На улице Рассветной автомобилей не встречалось. Алиса взглянула вдоль Пути булавок и Пути иголок — там также царило абсолютное спокойствие. На обочине, на раскладном стульчике, разместился второй регулировщик, готовый в случае чего подменить напарника.

— Не подскажете, как пройти на станцию Южная? — спросила его Алиса.

— Да, станция Южная... Надо на юг идти, чтобы туда попасть. Вот сюда вы правильно пришли. Как вы догадались, если не знали дороги?

— Я шла по улице Рассветной, а это первая развилка на ней, да и мох на деревьях указывает, что двигаюсь я на юг.

— Верно. Это самый надёжный способ ориентироваться в городе в наши дни. Дальше, как видите, прямой дороги на юг нет. Нужно двигаться либо на запад, либо на восток. В целом, думаю, разницы нет, дорога так и так выведет. Вам выбирать.

— Спасибо. А почему вы регулируете перекрёсток? Светофор ведь исправен.

— Это только неопытным кажется, что такой светофор может быть исправен. Где же он исправен, если неправильно показывает? Когда надо стоять, горит зелёный, когда ехать — красный. Так не пойдёт... — он покачал головой.

— Ясно... Спасибо за помощь. До свидания! — попрощалась Алиса и двинулась Путём булавок.

— До свидания, — попрощался напарник регулировщика и погрузился в раздумья; скорее всего, о светофорах.

Путь булавок

Путь булавок привёл Алису в тенистый парк, пахнувший сиренью. За первыми деревьями оказалась каменная скамейка, на которой сидел Жиртрест. Алиса не гордилась, что называла этого грузного человека именно таким словом, но так уж он сам представился.

— Простите, не подскажете, как пройти на станцию Южная? — спросила его Алиса.

Как будто пробудившись ото сна, грузный человек встряхнул головой, и горе отразилось на его лице.

— Ах, если бы я мог дойти до станции, я бы вас проводил, — пробасил он, и на его глазах показались слёзы. — Но я такой ужасный жиртрест. Я смог только выйти из дома и дойти до скамейки, дальше идти нет сил. Сажу теперь здесь, как прикованный. Прикованный глупостью собственной молодости. Зачем я столько ел? Ел бы в меру, так и дошёл бы сам до станции Южная. А теперь мои триста килограмм неподъёмны для меня самого. Вот бы можно было добавить ума себе в прошлом, чтобы отвратить себя самого от порока обжорства. Так и погибну теперь здесь. Хорошо хотя бы, что на удобной скамейке.

Алиса очень хотела ему помочь, но она не умела добавлять ума другим людям даже в настоящем, не говоря уже о прошлом. Помочь незнакомцу физически тоже не представлялось возможным, ведь у неё не хватило бы сил на такую тяжесть.

— Простите... Я постараюсь найти кого-нибудь, кто сможет помочь вам! — сказала она горячо. — Но сейчас мне надо добраться до станции Южная. Не знаете, куда идти?

— Знаю... Сам бы туда пошёл, да не могу. Двигайтесь дальше по этой аллее и никуда не сворачивайте. Аллея идёт на восток, от неё отходят дорожки на юг, да все они кривые, туда не ходите. Дойдите до широкой прямой тропы, вдоль которой растут сосны со мхом на стволах. И только когда мох начнёт указывать путь, идите на юг. Лучше пройти мимо, потом вернуться, чем хотя бы раз свернуть не туда. А то будет как со мной...

— Спасибо! Я попробую прислать помощь.

— Да что уж помощь... Я погиб, точно погиб, — Жиртрест как будто хотел расплакаться, но погрузился в беспокойную дрёму.

Алиса начала отдаляться, но вдруг он окликнул её:

— Пойдите!

Алиса вернулась.

— Возьмите это, очень важно, чтобы у вас оно было, и не отказывайте другим, если они захотят подарить вам то же самое.

Своей огромной рукой он протянул Алисе крошечную английскую булавку. Было странно в текущих обстоятельствах принимать такой подарок, да и в других обстоятельствах Алиса отказалась бы, но у неё было ощущение, что когда-то она уже отказывалась, и это повлекло за собой большое несчастье.

— Спасибо, буду помнить об этом. — Алиса взяла булавку и приколотла к своей красной футболке.

Избегая кривых дорожек, она продвигалась всё дальше в парк. И вот, когда сомнения в правильном выборе пути сгустились достаточно, ей встретился растерянный человек. Позже Алиса назовёт его Американцем из-за основной темы его речей.

— Станция Южная? — переспросил он, с горестным видом готовясь сказать что-то. — Когда-то я отлично ориентировался в городе. Сам не утруждался запоминанием улиц. Я точно помню, что со мной всегда был кто-то, кто подсказывал дорогу из любой части города в другую, предельно ясно подсказывал. Не помню, кто это. Припоминаю даже, что это был не человек, а какой-то волшебный артефакт, да, он назывался «телефон». А сейчас нет такого в наших краях, и я не знаю, куда идти.

— А куда вы хотели попасть?

— Куда угодно, лишь бы в нормальное место, а не в эту бестелефонную дыру!

— Кажется, если нужно попасть куда угодно, можно идти куда угодно. Возможно, вас устроит станция Южная?

— Думаю, да, — просиял он. — Оттуда можно будет наконец уехать в Америку.

По пути они беседовали, и сияние его лица сходило на нет.

— Как так можно? — сетовал он. — Ориентироваться по мху. Сейчас разве тринадцатый век? Булавка ещё эта... — он залез рукой за воротник и вытащил булавку. — Заберите!

Алиса приняла её и приколола рядом с первой.

— То ли дело в Америке, — расплылся в благодатной улыбке Американец.

— А что же в Америке? — спросила Алиса.

— Это край, где нет неопределённости и неустроенности. И я точно знаю, нужных мне телефонов там целые горы! И никакая тревога там невозможна!

По правде говоря, Алиса не помнила, что такое Америка. Она с уверенностью могла сказать, что точно знала когда-то, но сейчас смысл этого названия ускользал от неё. Видимо, это какое-то место, а люди, которые там живут, зовутся американцами — вероятно, и этот человек хочет стать американцем.

Впереди показался Пожарный, внимательно наблюдающий за дымящейся урной. Когда Американец поравнялся с Пожарным, он решительно заявил:

— Я, брат, еду в чужие края.

— В чужие края? — спросил Пожарный, не отрывая взгляда от урны.

— В Америку.

— В Америку? — он ненадолго взглянул на собеседника из-под густых бровей и снова уставился на урну.

— Место хорошее, — сказал Американец уверенно. — Коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.

И с этими словами Американец, проламываясь сквозь кусты, удалился вглубь парка.

Алиса и Пожарный проводили его взглядом.

— Не знаете, как пройти на станцию Южная? — спросила Алиса у Пожарного.

— Как же, знаю, — Пожарный продолжал внимательно следить за дымящейся урной. — Вот пожар кончится — провожу.

— А что за пожар?

— Да вот, окурки в урне горят, — ответил Пожарный. — Уже третий раз за неделю. И кто их поджигает?..

— А не надо их тушить?

— Так зачем тушить? Сами погаснут.

— А зачем нужен пожарный?

Пожарный был крайне удивлён такому вопросу.

— Как же зачем? Так пожар!

— Вот оно что...

Оба они уставились в тёмную глубину, откуда валил едкий дым.

— Станция Южная, — проговорил Пожарный. — Вам зачем туда?

— Мне нужно встретиться с братом.

— Он в беде?

— Мне кажется, да.

— А... Думаю, не о чем вам беспокоиться. Времена нынче сложные, но не такие, чтобы прямо всё пропало. Вот, например, когда пожар — на место сразу отправляется расчёт. Пожарная охрана работает как часы. Да и ГАИ тоже неплохо: сломался светофор — высылают регулировщиков.

Они помолчали ещё, наблюдая за пожаром в урне. Вскоре дым ослаб, а потом и совсем рассеялся.

— Ну, вот и окончена моя работа, — удовлетворённо сказал Пожарный. — Теперь могу помогать людям со второстепенными проблемами. Давайте я провожу вас.

Алиса внимательнее осмотрела Пожарного: человек сильный, способен поднять куда большие тяжести, чем она сама.

— Я смогу дойти и сама, если укажете дорогу. Но если пройти по аллее немного назад — там будет человек, который не может двигаться. Помогите ему!

— Что ж, помогать — наша работа! Но если пути наши расходятся, возьмите средство спасения. Это не лучшая модель, в городе есть и более совершенные версии, но в данный момент имеется только это. Да и ничего, что только это — и не таким мы людей спасали.

Пожарный протянул Алисе булавку. Её совершенно точно нужно было принять, чтобы не вышло беды, но какой — неизвестно.

— Метров через пятьсот будет поворот направо. До этого тоже будут, но вы узнаете правильный. А там всё прямо и прямо, не ошибётесь. Главное, ориентируйтесь на мох, он растёт на деревьях с северной стороны.

Поворотов направо было много, и непонятно, тот самый это или ещё нет. Но, как гласило первое наставление в этом парке, лучше пройти мимо, чем свернуть на кривую дорожку.

Поворот, который выбрала Алиса, и правда трудно было пропустить. Яркий указатель переливался лампочками: «Спешите увидеть канатного плясуна!» И ниже подписано маркером: «Совершенно точно идти надо именно туда».

За поворотом следовал недолгий путь. Дорога вильнула пару раз и закончилась площадью, окружённой плотной стеной деревьев. На краях площади высились два толстых белых столба, увенчанные огромными скворечниками, между которыми был натянут канат. Внизу, прямо под канатом, располагалась дыра в земле, закрытая упруго натянутой чёрной тканью. Ткань прогибалась под ногами единственного человека на площади — Заклинателя.

— Заклинаю вас, — торжественно начал он свою речь. — Заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны дороге, которая ведёт вас к нашему богу, Иллюзии. Это самый живой из живых богов! Человек же — это канат между берегами разума и инстинкта. Так узрите же канатного плясуна!

Их было только двое на площади, Алиса и Заклинатель. Заклинатель посмотрел ей в глаза смеющимся взглядом, подмигнул и, вытащив небольшой нож из-за пазухи, разрезал ткань под собой. Ткань разошлась, образовалась дыра, куда Заклинатель нырнул и исчез.

Из левого скворечника появился Плясун. Выписывая фигуры ногами и руками, он медленно продвигался по канату. В любую секунду Плясун рисковал упасть, это зрелище завораживало и тревожило Алису.

«Опасность... Если он упадёт, его могла бы спасти натянутая ткань. Но в ней же теперь дыра!..» — думала она.

Булавки. Ими можно скрепить края разреза. Но поможет ли это при падении? Оставалось только испробовать этот вариант и надеяться на волю судьбы и мастерство Плясуна. Совершая опасные движения, он уже почти подобрался к середине каната.

Когда Алиса закалывала разрез, из противоположного скворечника вышел Скоморох. Его появление испугало Алису: она не ожидала увидеть человека подобной внешности в этом уютном парке. Лицо Скомороха было разбито, кровь стекла по разорванной одежде и засохла. На его фигуре и лице было трудно удержать внимание — он всё время уходил из фокуса, рябил, менялся.

Скоморох отвесил поклон публике, стоя на канате, и произнёс:

— Больше всего ненавидят того, кто способен летать, ведь чем выше мы парим, тем меньше кажемся тем, кто летать не умеет. Так пусть упадёт тот, кто вознёсся слишком высоко. А что падает, то нужно ещё подтолкнуть!

И, держа руки в карманах, он двинулся по канату навстречу Плясуну — легко, как будто прогуливался по аллее.

«Он сбросит Плясуна!» — подумала Алиса. Округлившимися глазами она смотрела вверх, сложив руки почти молитвенно, как будто надеясь таким образом придать прочности ткани, которая держалась только на булавках.

Скоморох встретился с Плясуном. Уверенным и лёгким движением ноги он толкнул Плясуна, и тот полетел вниз. Полетел и ударился о ткань.

Ткань выдержала.

— Независимость — удел немногих, — с трудом произнёс упавший Плясун. — Она — привилегия сильных.

Раздался треск, Плясун крепко схватил Алису за руку и вместе с ней провалился во тьму.

Алиса ехала в автобусе. У неё в руках было некое устройство, кажется, это и был тот самый телефон. Алиса знала, что это очень важный предмет, без которого покидать автобус нельзя, тем более что на связи был лейтенант Зайцев.

Когда настало время выходить, Алиса не смогла взять телефон — задняя крышка у него отсутствовала, и он уходил проводами глубоко в сиденье. Она пыталась нажимать какие-то значки на экране, одни провода исчезали, другие вонзались в кресло вместо них, но освободить ценную вещь не удавалось. Двери закрылись, и автобус начал отъезжать с нужной остановки. Алиса посмотрела на место водителя — там был Кровавый Скоморох.

— А я, — сообщил он, — обманул тебя!

Он сделал движение, как будто снимает маску, и превратился в Плясуна.

Находиться в автобусе было нельзя, требовалось оказаться в другом месте, и Алиса усилием воли смогла перенестись туда. Другим местом был высокий стул у стойки в баре «Пёстрая корова». Не сюда хотела Алиса, но так уж получилось. Она пыталась проснуться и чувствовала, что вот-вот это получится. Но сосед по стойке привлёк её внимание странными движениями. Это был Плясун, таким же движением он снял маску и теперь оказался Заклинателем. На его торжественной мантии неровно и наизнанку был нашит шеврон «Полиция».

Заклинатель демонстрировал раскачивающиеся карманные часы, глаза Алисы невольно следили за секундной стрелкой, и сон становился крепче. Голова тяжелела, тени сгущались...

И снова Алиса падала в глубокий колодец.

Она долго летела в сонной темноте и наконец достигла дна, но почувствовала не боль от удара, а вполне комфортное кресло. Она открыла глаза и обнаружила себя за столом совсем рядом со стойкой.

«Встретимся на станции Южная», — гласила записка.

Светофор II

На улице Рассветной кто-то поменял таблички, и теперь это была улица Полуденная. Палящее солнце выжгло всё, теперь улица не зеленела, а желтела. Запах ночи уступил место запаху горячего асфальта. Мох совсем засох и осыпался, как и листья на деревьях.

На перекрёстке стояли те же регулировщики. Теперь их показания были не противоположны светофору, а иногда совпадали, иногда — нет. Улица Путь булавок теперь оказалась перекрыта дорожными конусами. Форма на регулировщиках выглядела так, будто они извалялись в грязи.

Второй регулировщик увидел Алису и поприветствовал её:

— О, это снова вы, привет! Прошу прощения, что дезинформировал. Улица Путь булавок оказалось таким ужасом... Пожарный успел вывести оттуда человека, а потом явилось такое... Нам пришлось оставить пост и залечь на время. Перекрыли дорогу, теперь всё в порядке. Все ошибаются, но у каждого есть шанс изменить убеждения. Вот смотрите, мы и регулировку движения пересмотрели. Раньше мы думали, что светофор работает совершенно неправильно, а теперь поняли: нет — только наполовину неправильно. Поэтому наши показания половину времени совпадают с его, а половину — противоположны.

— Так что, Путь иголок? — спросила Алиса.

— Выходит, что так. Третьего-то пути нет. Ну, удачи вам. Увидимся ещё.

— Не в обиду будет сказано, но хотелось бы больше не посещать это место. Но всё же до свидания.

— До свидания, до свидания... Подождите! Не ориентируйтесь по мху. Мы выяснили, что он врёт.

Путь иголок

Если Путь булавок проходил тенистым парком, Путь иголок шёл малоэтажным городским районом. Растительность отсутствовала, хотя можно было увидеть её следы — срезанные почти вровень с землёй там и тут пеньки деревьев, кустов и травинок.

«А потом явилось такое», — вспоминала Алиса. Почему она не спросила, какое именно? И куда оно ушло после того, как пришло? Может быть, назад. Путём булавок, а может, и сюда. Точно не на Рассветную... которая Полуденная. Несмотря на жару, Алиса поёжилась — ей не хотелось бы встречаться с этой таинственной сущностью.

«Как жарко, скрыться бы ненадолго в тени».

На первых этажах домов располагалось множество заведений, где легко было спрятаться от палящего солнца, но за стёклами их дверей неизменно висели таблички «Закрето».

Как только Алиса увидела магазинчик с табличкой «Открыто», она тут же нырнула внутрь. В магазинчике было темно, прохладно и безлюдно. Казалось, будто тени, залегавшие между полками, иногда шевелятся, но ничто другое не оживляло это место.

Алиса гуляла между полками и рассматривала пыльные товары. Это были коробки, пузырьки и банки, подписанные буквами неизвестного алфавита. Только на одном пузырьке русским языком было написано: «Яд»; этот пузырёк Алиса разглядывала с осторожностью.

Достаточно охладившись, Алиса вернулась к выходу. Она попыталась открыть дверь — та не поддавалась.

«Ты что, не видишь?» — прошелестело в тенях слева. «Табличка “закрето”», — прошелестело справа.

Табличка на двери и правда висела надписью «Закрето» к Алисе. Она перевернула табличку надписью «Открыто» к себе, но дверь так и не поддалась. Другого выхода в магазине не было, немногочисленные двери вели в тупиковые помещения, осталось только проверить подвал.

«Возьмите печенье... — прошелестело над ухом, — с предсказанием». Алиса обратила внимание на новое чувство в левой руке, сжатой в кулак. Она подняла и разжала руку: в ладони лежало двурогое печенье.

«Думаю, не стоит его есть, — подумала она. — Но посмотреть предсказание можно».

«Не сдавайтесь! Раз в год и палка стреляет (в темноте)», — записка из лакомства искрилась оптимизмом. В записку была воткнута крупная швейная игла с намотанной на неё толстой ниткой.

Спустившись по лестнице в подвал, Алиса щёлкнула поворотным выключателем. Помещение тускло осветилось старой лампочкой, но свет, медленно растекаясь по помещению, искажал перспективу, пространство заволакивала дымка. На долю секунды прямые углы между стенами изогнулись, затем вернулись в исходное положение, но подвал сильно вытянулся. Дымка исчезла, стало ещё темнее, и неожиданно рядом с Алисой возникла группа людей в бесформенных одеждах из грубой ткани.

Алиса вскрикнула, глаза её расширились, руки она подняла к груди, как будто готовясь оттолкнуть опасность. Она попятилась к лестнице, но никакой лестницы уже не было, сзади была глухая стена.

У каждого из этих людей один мешок скрывал туловище и ноги, другой был на голове, у многих в головном мешке просвечивало только одно отверстие, под левый глаз. Руки у большинства покрывали свежие раны и старые шрамы. Раны не были обработаны и выглядели очень нездорово. В подвале стоял запах мучительной болезни, как в отделении стационара для лежащих пациентов.

«Боже, кто сделал такое с ними? Зачем?!» — ужаснулась Алиса.

— Не смотрите на соблазнительницу! — раздался голос откуда-то из-за спин незнакомцев. Вперёд выступил невысокий человек.

— Да, лидер, — хором ответили люди и отвернули от Алисы дырки в головных мешках.

На голове лидера не было мешка. Было видно, что у него отсутствуют глаза, а в слепые глазницы вбиты медные цилиндры. Путь перед собой он настукивал палкой, на которой были выжжены какие-то слова.

— Я слышу, слышу, кто ты такая. Ты раба Иллюзии. Но в действительности этот так называемый «бог» Иллюзия — дьявол! — продолжил лидер. — А мы убиваем дьявола в себе. Иллюзия проникает сквозь глаза — мы избавляемся от глаз, от одного за другим. Иллюзия проникает сквозь осязание — мы избавляемся от кожи, лоскут за лоскутом. Иллюзия проникает сквозь уши — мы заливаем их одно за другим медью. Но пока у меня есть одно ухо, я слышу, кто ты такая.

Лидер приближался, стуча палкой.

— Наши святые лишены чувств. Тело кормит разум ложью, поэтому мы оставили от них самый минимум, нужный для поддержания разума. Только лишившись чувств, можно быть уверенным, что дьявол Иллюзия не обманет тебя! Женщина — раба Иллюзии. Она всегда в плену лжи, при этом считает долгом совращать праведников. Любая женщина должна быть исправлена немедленно после обнаружения!

Лидер повернулся лицом к последователям и скомандовал:

— Схватить её!

Те сорвались с мест и, толкаясь, бросились исполнять волю лидера.

В подобной ситуации у одного человека срабатывает программа «бей», у другого — «беги», а у кого-то — «притворись мёртвым». Алиса же снова испытала чувство дежавю и поняла, что произойдёт в каждом из подобных сценариев — совсем немного останется от неё и повиснет на крюке в дальней комнате, за абсолютно чёрным Алтарём Сенсорной Депривации. На спасение есть только один шанс из миллиона, и Алиса поняла, что нужно делать.

Она подняла футболку, явив взору послушников картину, перенасытившую их чувства греховной иллюзией и ослепившую их.

— Не поддавайтесь! — кричал Лидер, направив слышащее ухо в гущу событий.

Но Алиса уже прошмыгнула позади смущённой толпы. В дальней стене виднелась дверь. В её проёме была натянута чёрная ткань, разрезанная посередине.

Послушники уже начинали шевелиться, но несколько секунд оставалось в запасе.

Алиса достигла дверного проёма и уже готова была перелезть на ту сторону, когда чьи-то пальцы вцепились в штанину её джинсов. Оглянувшись, она увидела лидера.

— Блудница! Мы всё равно отправим тебя к Достопочтенному Vzou! Он исправит тебя!

Алиса резко развернулась и открытой ладонью ударила лидера по слышащему уху.

— А-а-а! — взвыл он, отцепился и схватился за оглохшее после удара ухо.

Алиса схватила его палку и ударом свалила преследователя с ног.

Послушники уже двигались к ней. Сквозь натянутую ткань она пролезла на ту сторону дверного проёма. Остались считанные секунды, чтобы понять, как обезопасить себя или хотя бы выиграть время.

Алиса вынула иглу, полученную через печенье с предсказанием, и несколькими движениями стянула дыру в ткани. Руки её дрожали, но справились вовремя. Она видела сквозь плохо зашитую дыру, как культисты пытаются просунуть пальцы на эту сторону и разорвать ткань, но у них ничего не выходило.

— А-а-а, я оглох! — кричал Лидер.

— Возможно, это к лучшему! — крикнула Алиса. — Ты больше не слышишь, какая я неправильная!

Жаль, он не слышал также и её слов — возможно, он смог бы оценить иронию.

— Ты всё равно идёшь к Достопочтенному Vzou! — ревел он. — Он исправит тебя, исправит!

Алиса огляделась. В новом помещении не было ничего, кроме стен и тусклой лампочки, свисающей на проводе с потолка. Алиса тяжело дышала, пытаясь привести сердечный ритм в норму. Воздух был затхлым, дышать было тяжело.

«Как это случилось? — Алиса была удивлена. Никогда до этого она не наблюдала, чтобы реальность сменила кадр за один поворот выключателя. — Я зажгла свет... и они...»

Алиса обернулась — как и в прошлый раз, за спиной оказалась сплошная стена.

Она обнаружила, что продолжает держать в руке палку, добытую на той стороне. Это была толстая загоревшая палка, липовая, с глазком в одном месте. Вдоль была выжжена надпись: «Феликс такой-то из Цвикау». Где, интересно, лидер раздобыл такую?

Свет снова затуманился, комната начала искажаться и, когда она зафиксировалась, стала большой кухней. На металлических столах были разложены отвратительные куски сырого мяса. На электрической плите стоял бурлящий котёл. По счастью, большая часть зловонного пара, поднимающегося над ним, уходила в раструб вытяжки над плитой.

В середине кухни стоял фигурный столик с тарелкой, на которой лежал приготовленный стейк. Рядом расположились бутылка с красной жидкостью, бокал и приборы. Из пола вырвался столб дыма, в котором возник человек, закрывающий лицо полкой белого плаща.

— Перед тобой, — донеслось из-под плаща, — Достопочтенный Vzou. И я приглашаю тебя к столу.

Vzou театральным жестом руки сбросил плащ, Алиса увидела его лицо. Это был Заклинатель в поварском кителе и колпаке.

— Спасибо, я не голодна, — Алиса испугалась. Её глаза лихорадочно искали путь к отступлению, но в комнате совсем не осталось дверей.

— Вкуси святые дары! Грехи твои будут отпущены, и ты обретёшь покой вдали от чертогов дьявола!

Он молитвенно сложил руки и обратил глаза к небесам, что были где-то за толщей бетона наверху.

— Постой, ты же был Заклинателем! — Алиса пыталась обойти его в тщетной попытке оглядеть комнату с другого ракурса и увидеть что-нибудь новое. — Тогда ты говорил, что твой бог — иллюзия. Теперь ты какой-то важный хрен у этих ненормальных, и вы говорите, что иллюзия — дьявол. Ты обманщик!

— Ах, ты помнишь... Значит, ты меня раскусила, — с улыбкой разоблачённого фокусника ответил он. — Я тебя обманул! И их я обманул! Я люблю обманывать...

Лицо достопочтенного Vzou тут же сделалось грозным, зубы оскалились.

— А ну жри мясо и пей кровь! — взревел он, схватил с одного из столов огромный нож и бросился на Алису. Она вскрикнула и увернулась. Прямо над её головой оказалась единственная лампочка, освещавшая комнату.

«Не сдавайтесь! Раз в год и палка стреляет (в темноте)», — вспомнила Алиса предсказание.

«Шансы невелики, но...» — подумала она, махнула палкой и разбила лампочку.

В темноте слышался звук бурлящего на плите котла, также различалось тяжёлое дыхание Алисы и Vzou. Теперь его дыхание было уже не человеческим, а как будто собачьим или даже волчьим.

— И что же ты сделаешь против меня с этой палкой? — глумливо вопрошал Vzou из темноты.

Алиса взяла палку как ружьё и направила в сторону звериного дыхания.

— Ах-ха-ха-ха-ха! — засмеялся волчьим голосом Vzou. — Ты хочешь застрелить меня из палки?!

Он долго хохотал, пока не закашлялся.

— Палка у тебя хорошая, проверенная, как-то раз она уже выстрелила, но тебе нужна невероятная удача. Есть она у тебя? Нет ведь!

— Не сдавайся! — ответила Алиса словами предсказания. — Раз в год и палка стреляет!

Раздался оглушительный выстрел, в ушах зазвенело. Ослепительный свет озарил всё вокруг. Алиса увидела человека с волчьей головой. Поначалу казалось, что она настоящая, через миг это была уже маска, которая слетела вниз. Vzou ударился о плиту, котёл опрокинулся, и кипящая жижa полилась через его плечи по всему телу.

— А-а-а-а! — взревел он.

Кухонная вытяжка сорвалась со своего места и крепко наделась ему на голову. Гулко крича внутри вытяжки, Vzou встал на четвереньки, всё вокруг подёрнулось дымкой...

И теперь вокруг было обычное подвальное помещение с узкими окнами под потолком. Никого, кроме Алисы, здесь не было. Из окон лился вечерний свет, как и из открытой двери в дальней стене.

Светофор III

Дверь вела на улицу Закатную, бывшую недавно Полуденной, к самому перекрёстку. Только теперь это был уже не перекрёсток. Путь булавок и Путь иголок провалились, пропасти на их месте уходили так глубоко, что дна видно не было. Светофор криво висел на креплении, ни один из огней не горел. Регулировщики покинули это место.

Теперь единственная дорога продолжалась прямо. На дорожном указателе облетела краска, и открылось название — Третий путь.

На раскладном стульчике регулировщика сидел усатый человек в плаще и шляпе. Задумчиво он курил трубку.

Алиса посмотрела на его одежду.

«А ведь и правда, стало прохладно, — подумала она, — вот бы и мне плащ». Она поёжилась и попыталась растереть руки. Кожа покрылась мурашками.

На нового человека она смотрела с опаской. Не все здешние обитатели безобидны, как она теперь знала.

— Добрый день, — начал беседу незнакомец.

— Добрый, — ответила Алиса, показывая интонацией и выражением лица, что лучше с ней не шутить.

— Я не собираюсь на вас нападать, совсем напротив. Вы далеко продвинулись и знатно потрепали нервы здешнему иллюзионисту. Он теряет контроль, но безопаснее от этого не становится.

— Кто вы?

— Моё имя Харламий Ямский, — представился собеседник. — А вы, должно быть, Алиса?

— Кажется, да. Я почти забыла... Откуда вы знаете?

— Это моя профессия. Я — частный детектив. Хотя в здешних краях — скорее сталкер.

— Сталкер?

— Я думал, вам знакомо это слово. Но это ничего, ещё вспомните. Куда вы направляетесь?

— Мне нужно на станцию Южная, к брату. Вы знаете, как туда пройти?

— Не знаю точно, — честно признался Харламий Ямский. — Но, как видите, путь остался только один. Я составлю вам компанию.

Алису это не слишком обрадовало.

— Хорошо. Но смотрите у меня!

— Я буду очень осмотрителен. — Он поднялся. Оказалось, он сильно выше Алисы. — Вот, кстати говоря...

Он достал из-за пазухи свитер и протянул ей.

— Вечером здесь холодно, — продолжил он. — Незачем вам мёрзнуть.

Детектив выбил золу из погасшей трубки и убрал трубку в чехол.

Алиса и детектив отправились в путь. И как только они покинули перекрёсток, тот исчез за их спинами. Но они не оглянулись, возвращаться было незачем.

Третий путь

— У вас хорошая цель — встретиться с братом. С ним всё в порядке или он в опасности?

— Я не знаю точно... — смутилась Алиса. — Мне почему-то тревожно. Думаю, он в опасности. Кто-то звонил и угрожал. Я теперь не уверена, не был ли это очередной обман иллюзиониста. Нужно скорее добраться до станции и во всём разобраться!

— Хорошо, хорошо. То есть, не очень хорошо, что ваш брат может быть в опасности, но мы обязательно разберёмся в этом деле. Цель у вас хорошая.

Примерно полчаса дорога вела их бескрайним полем, каждый кусочек которого точно повторял другой. Было невозможно понять, движутся путники или нет. Но вот по бокам появились стенды с картинами.

— Посмотрите, — Харламбий Ямский обратил внимание Алисы на новую деталь пейзажа. — Как вам современная живопись?

Алиса огляделась.

— Выглядит жутко. Вроде бы ничего нет страшного — кляксы какие-то... Но как будто здесь таится опасный обман.

— Частично я согласен с вами. Но будет ли опасен этот обман, зависит от того, что именно видит зритель за этими кляксами.

— Я предпочла бы видеть за кляксами кляксы.

— Думаю, так действительно вернее всего.

И снова они шли в молчании какое-то время. Поле сменилось лесом, и, когда солнце начало уже заходить, дорога пришла к развилке с путевым камнем, гласящим:

«Как прямо ехать — живу не бывати — нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролётному.

Направу ехать — женату быти.

Налеву ехать — богату быти».

Харламбий Ямский задумался. Он вынул трубку и начал набивать её табаком.

— В этих краях, — начал он, — мы можем иногда получить важную подсказку от природы, идущей навстречу нашим стремлениям. А можем угодить в ловушку, расставленную враждебной силой.

Он закурил и притоптал вылезающий табак шляпкой большого гвоздя.

— Но что мы видим здесь? Это подсказка или обман? Представим, что подсказка, — он внимательно смотрел на камень, выпуская клубы дыма. — Как мы можем её интерпретировать?

— Вообще, — заметила Алиса, — прямо дороги нет.

— Это чистая правда. Что мы можем вспомнить из недавнего опыта?..

Они помолчали.

— Я встретила по пути одного человека. Он сказал, что поедет в Америку, и ушёл без дороги в лес. Больше его никто не видел.

— Больше не видел... А нужно ли нам, чтобы нас здесь снова видели, как вы думаете?

— Да не хотелось бы.

— Вот и я думаю... При этом вам нужно на станцию, которая называется «Южная»... Что ж, тогда идём прямо на юг. Когда случится «живу не бывати», тогда и разберёмся.

Какое-то время они продирались сквозь лес. Алиса посадила на свитер несколько репёв, плащ Харлампия Ямского измялся, и, когда они вышли к просёлочной дороге, вид у них был не самый парадный.

Дорога начиналась посреди леса и выводила к поляне, разделяя её на две равные части. В самом центре она проходила между двумя холмами и упиралась в противоположную стену леса.

— Не нравятся мне, — начал Харлампий Ямский, — эти холмы. Ага, посмотрите, это земля из выкопанных рядом могил.

Внезапно впереди в лесу раздался гудящий звук, переходящий в частоты настолько низкие, что тело от них вибрировало. Алиса почувствовала тошноту от этой тряски. Гул нарастал с каждой секундой, сопровождаясь треском валящегося леса.

— Ага, — задумчиво сказал Харлампий Ямский. — Это, видимо, и есть то, чем грозил путевой камень. Вот и настала пора действовать. «Нет пути ни прохожему, ни прочему» — мы действительно пошли без пути. «Как прямю ехать — живу не бывати»... Быстро — в могилы!

Оба спрыгнули вниз и притаились.

Вскоре звук стал невыносимо громким. Сверху всё озарилось бледным светом, подобным лунному, бешено полетели пыль и листья.

Это длилось невыносимо долго. Алиса различала в гуле то музыку, то слова. Она услышала голоса, хором стонавшие: «Страшно! Страшно! Не видим света белого».

Алиса была уверена, что именно это пришло «Путём булавок», когда Плясун утянул её под землю.

Когда наверху всё утихло, Алиса всё равно боялась вылезать, пока небо не заслонил силуэт Харлампия Ямского.

— Кажется, ушло, — сказал он и помог Алисе подняться.

Теперь поляна была освещена лунным светом. Впереди в лесу возникла просека. Деревья, кусты и трава были срезаны почти у самой земли.

Водопад

Просека привела их снова в городской район, во двор между высотных домов. Окна были мёртвыми, кроме верхних этажей, где бушевало пламя. Пепел падал оттуда на землю, будто снег.

Посреди двора стоял иллюзионист, который был Bzou, в рваном и покрытом грязью поварском кителе. Около него из земли торчал огромный нож, кухонная вытяжка всё ещё была на его голове.

— Что? — засмеялась Алиса. — Не смог снять?

— Смейся-смейся, — гулко ответил иллюзионист из-под металлической пирамиды. — Оглянись, посмотри, что ты наделала. Стал ли мир лучше? Былого уже не вернуть, но я отомщу тебе.

— Не угодно ли вам, сударь, примириться? — спросил Харламий Ямский.

— Мне не нужен такой мир! — прогудел иллюзионист.

— Что ж, мсье Вытяжкоголовый, — продолжил детектив. — Значит — дуэль.

Вытяжкоголовый достал из кармана часы. Они были разбиты. Он попробовал продемонстрировать их качание, но ни с Алисой, ни с Харлампием Ямским ничего не случилось.

— Кажется, мсье Вытяжкоголовый, — заметил Харламий Ямский, — ваши фокусы перестали работать. Придётся вам схватиться со мной по-честному. Алиса, позвольте взять вашу палку?

Вытяжкоголовый бросил часы на землю и добил их подошвой тяжёлого ботинка. Вытянув нож из земли, он начал молча приближаться.

Где-то за домами грохотало железо. Началась схватка. Несмотря на вытяжку на голове, иллюзионист отлично ориентировался. Он нанёс удар первым — рубящий, сверху вниз, от которого детектив спасся, уйдя с линии атаки в сторону. Следующий удар ножа он смог отбить палкой по касательной, не повредив оружие.

Вытяжкоголовый выставил нож вперёд и рванулся с ним, как с копьём, на противника. Харламий Ямский, увернувшись, перехватил руку соперника и провернул так, что тот, сделав сальто через вытяжку, рухнул на землю. И провалился сквозь неё.

Детектив встал в боевую стойку, оглядывая пространство, готовясь отреагировать на внезапное нападение.

Вытяжкоголовый выскочил из-под земли за его спиной и замахнулся. Детектив развернулся и отбил нож, но палка была перерублена. Половина отлетела в сторону, в руке остался острый кол. Уйдя от яростной серии ударов, детектив изогнулся и снизу вонзил этот кол под вытяжку.

Раздался оглушительный крик, от которого затряслась земля и стёкла вылетели из окон.

Харламий Ямский протащил противника до ближайшего дома и ударил об стену. Здание пошло трещинами и начало рушиться, земля под фундаментом провалилась и за образовавшейся пропастью открылся водопад. Но состоял он из огненной лавы, которая, падая, собиралась в озеро далеко внизу.

Вытяжкоголовый стоял, пошатываясь, почти на самом краю обрыва. Из-под вытяжки на грязный китель обильно текла чёрная кровь.

— А теперь? — спросил Харламий Ямский. — Не угодно ли вам, сударь, примириться?

— Это, — сдавленно ответил Вытяжкоголовый, — мне ни к чему. Мне не нужен... такой мир...

С этими словами он сделал шаг назад и рухнул в пропасть.

Станция Южная, 100 м

К моменту, когда я остановился у указателя «Станция Южная 100 м.», я сделал открытие: текст, написанный здесь, может влиять на объективную реальность.

В начале пути я оказался на почтамте, где мне вручили телеграмму: «ВСТРЕТИМСЯ СТАНЦИИ ЮЖНАЯ=А-». Я рассмотрел послание, проверил всю информацию — оно точно было адресовано мне.

Я предпринял множество попыток добраться до станции, но всегда возвращался к почтамту. Однажды я устал и от отчаяния решил занять себя делом, которое приносит мне удовольствие — сочинять истории. Тогда-то я и открыл, что, если написать так, чтобы можно было поверить, написать о ком-то, находящемся рядом, и не требовать слишком многого — реальность поддастся.

Первые мои рассказы я писал о Почтальоне. До этого момента он никак не мог покинуть здание почтамта — всё время что-то забывал, и приходилось возвращаться. Я придумал историю, как ему удалось уйти, произнес на пороге сильное слово-заклинание, которое отвергает сомнения и сожаления.

Вместе мы продвигались на юг, пока он не решил остаться в ресторане «Тихая гавань». Тут я понял, что заставить персонажа делать что-то против воли невозможно — такой сюжет не сработает. Так что, сидя в этом заброшенном заведении, я написал множество черновиков о том, как встречаю нового главного героя.

История про небольшой пожар на кухне (который пришлось устроить) привела ко мне Пожарного, с которым я добрался до южной окраины города.

По пути мы остановились в магазинчике, где я раздобыл дополнительную бумагу и новую ручку. Это получилось сделать, населив здание дружелюбными тенями, которые подсказывали, где искать нужные вещи. Ручку они и вовсе вложили прямо мне в карман.

Но, добравшись до окраины, Пожарный был вынужден отбыть на происшествие. Кажется, где-то загорелась урна с окурками.

Я находился в тупике. Впереди был забор, на который у меня никак не получалось забраться, за ним виднелись бетонные блоки и горы песка.

Снова пришлось создавать множество черновиков в попытке встретить кого-то. Ничего не выходило, пока я не ощутил странное дежавю, что в этой ситуации я когда-то написал следующее: «Издавна подавляемый страх вырвался и пронёсся по улице, сметая всё на своём пути».

Так я и сделал, после чего услышал ужасный гул и спрятался в подъезде. С грохотом рухнули преграды, горы песка сравнялись с землёй, поднялась сокрушительная буря. Я держался как можно дальше от окна и видел только, как мерцает бело-лунный свет.

Не думаю, что я мог создать это явление. Вероятно, дежавю подсказало мне, как привлечь нечто, бушующее здесь уже давно.

Так я и вышел к указателю «Станция Южная 100 м.». Но куда он направлял? Я много раз пытался посмотреть в сторону его стрелки, но каждый раз обнаруживал, что гляжу в противоположную. Когда я пытался, закрыв глаза, идти в нужном направлении, я неизменно врезался в указатель.

Я сел на землю, опёрся о столб и стал ждать. Голова была пуста, я не мог написать ни слова.

Так и сидел я до темноты, пока не встретил Алису и Харлампия Ямского. За их спинами проявился городской пейзаж, в нескольких кварталах отсюда был пожар. Должно быть, скоро туда наведается Пожарный.

— Так значит, — после знакомства и обмена любезностями спросил Харламбий Ямский, — вы тоже хотите попасть на станцию Южная? Но у вас не выходит. А для чего вам туда?

Этот вопрос озадачил меня. И правда, зачем? Я ничего не знаю про эту станцию. Кто-то меня туда позвал, я и пошёл. А кто это был, я даже не знал.

— Наверно, — попробовал я объяснить своё стремление, — я хотел покинуть это место, и поезд показался хорошим вариантом. Кто-то ещё туда стремится?

— Мне нужно встретиться с братом на станции, — отозвалась Алиса.

— Он в опасности? — спросил я.

— Я не уверена, — смутилась Алиса, — но мне когда-то так сказали, а потом я прочитала записку и ещё больше встревожилась.

— Тогда нам нужно поскорее туда попасть.

Но поскорее не получалось. Я не мог придумать нужной истории.

— Возможно, — предположила Алиса, — нужно попробовать размяться. Записывать что-нибудь, и, слово за слово, придёт идея.

— Это верная мысль, — заметил Харламий Ямский. — Можно начать записывать события, которые привели сюда Алису, а там и продолжение придумается.

Так я и начал записывать этот рассказ, и писал, пока на бумаге не оказалось всё, что известно Алисе о себе самой.

Я перечитывал написанное, но продолжение не шло в голову. Чего-то не хватало, несмотря на то, что всё известное уже зафиксировано.

— Возможно, — предположил Харламий Ямский, — для продолжения нам нужно понять вот что. Иногда здешняя природа помогает нам. В виде указателей, например. И все мы испытывали чувство дежавю, находясь здесь. Но странное дежавю, о будущем. Полагаю, если мы сумеем придумать объяснение, то сможем разыграть эту карту.

— Дежавю... — я начал рассуждать. — Возможно, в этом странном месте время идёт по спирали. Мы все здесь повторяем одни и те же действия, но выбор у нас остаётся, и на каждом витке мы можем немного изменить траекторию. Мы забываем прошлые повторы почти полностью, но где-то глубоко в подсознании эта информация всё же остаётся и иногда просачивается через дежавю.

— Это как будто и правда так, — отозвалась Алиса. — Мне несколько раз казалось, как будто я уже что-то делала или чего-то не делала, и от этого зависели следующие события.

— Не думаю, что спираль времени — верный выбор, — возразил Харламий Ямский. — Вы будете смеяться, но я ощутил, как будто мы уже использовали эту идею. Она не сработала. Никто не посмеялся.

— Есть у меня другая гипотеза... — начал я.

Обычно время идёт только вперёд, в будущее, где варианты возможных исходов находятся в суперпозиции. И только когда мы пронаблюдаем текущий миг, изменим его своими действиями, варианты будущего схлопнутся по какому-то неведомому закону. Он настолько сложен, что кажется нам абсолютной случайностью.

Иногда нам кажется, что мы ясно видим будущее, но это иллюзия. Если нам тревожно, мы видим предстоящую катастрофу, если уверены в себе и крепко стоим на ногах, предсказываем себе счастье. Но в действительности всё случится так, как определит неведомый закон.

В этом мире же иллюзия более реальна, чем сама реальность, здесь мы можем взаимодействовать с пространством-временем, как во сне. Так иногда мы можем узнавать не дозволенные в иных обстоятельствах тайны, видя знаки или испытывая дежавю. Здесь можно немного обмануть физику, здесь секундная стрелка иногда сбивается и отскакивает назад — в такие-то моменты мы и видим кадры возможных вариантов будущего.

Я прислушался к чувствам. Где же дежавю, где подсказка?

Ах, вот она. Как будто это было уже, Алиса в попытках увидеть хоть что-нибудь новое за указателем смогла найти угол, под которым увидела...

— Смотрите! — воскликнула Алиса. — Я смогла разглядеть радиовышку!

И правда, угол обзора у нас расширился, и теперь немного в стороне над деревьями вышлась башня с антенной.

— Вы слышите? — подняв палец и оглядываясь, спросил Харламий Ямский.

Где-то очень далеко звучал низкий гул.

— На вышку! — скомандовал он, и мы побежали.

И вот мы оказались наверху. Харламий Ямский почти не устал, Алиса сильно запыхалась, а я был почти при смерти.

Гул раздавался гораздо ближе, вышка вибрировала.

Отсюда можно было увидеть мешанину, которую представляла округа. Участок леса, пятно города, картина огненного ада с водопадом лавы, деревенский пейзаж...

Через эту пятнистую карту неслась буря — видны были клубы пыли и крушение преград на её пути. И вот она вырвалась на равнину перед нами.

На нас с рёвом нёсся мутный поток, разглядеть что-либо в котором было невозможно, только бледный свет мерцал сквозь тучи пыли.

Как будто электрический ток прошёл по позвоночнику, когда поток достиг подножия вышки. Башня сорвалась с места и понеслась в лес, перемалываемый с оглушительным треском. Внизу слышался хор тоскливых голосов, который повторял что-то вроде: «Страшно! Страшно! Куда же нам идти?»

Подножие вышки стремительно таяло. Нашим ногам оставалось уже совсем немного до смертоносной плазмы, когда поток резко повернул, а огрызок вышки по инерции отлетел в сторону и осел на деревьях.

Станция Южная

Немного пройдя по лесу, мы и оказались у цели. Вот она, станция Южная. Нас от неё отделяет дымчатая стена, колышущаяся, подобно воздуху на жаре.

Алиса взяла нас с Харлампием Ямским за руки, и мы прошли дымчатую стену насквозь.

Поначалу платформа вся была в той же дымке. Но хлопьями от неё отставала и улетала вверх иллюзия. Под ней мы увидели потрескавшийся асфальт. Обычный белый знак «Южная». Старые облупившиеся скамейки.

Вокруг сгущались тени, и, когда иллюзия отслоилась от них, стало понятно, что это обычные люди, ожидающие поезда. Вот женщина смотрит в телефон, пока её дети балуются, вот мужчина в очках и с рюкзаком за спиной.

— Привет, Алиса! — молодой парень подбежал к Алисе. Лицо его было безмятежно. — Ты вовремя, поезд будет через минуту.

— Артём! Как ты? — с тревогой спросила Алиса.

— Всё отлично! Я купил билеты на ту выставку, — он помахал полосками бумаги в руках, — и очень хотел, чтобы ты пошла со мной. Хорошо, что мы встретились, а то сообщение в чате так и осталось непрочитанным.

Алиса улыбнулась и обняла брата.

Возможно, Алиса обернулась потом, чтобы найти нас с Харлампием Ямским, но мы уже скрылись из виду. Подошёл поезд, и они с братом зашли внутрь. Иллюзия была позади, и я уверен, что остальные её узники также освободились в этот миг. Иллюзия оторвалась хлопьями от реальности и улетела в небытие.

А впереди — уже реальная жизнь.

Станция Северная

Можно закрыть глаза на действительность, но не на воспоминания.

Станислав Ежи Лец

I

Я решил записывать свои шаги. Зачем? Где-то я слышал, что каждый, кто пишет тайный дневник, в душе хочет, чтобы его когда-нибудь прочитали. Думаю, и для меня это актуально.

Моя цель — перейти в другой мир, где мне не придётся лить слёзы над воспоминанием, которое вторгается в мою жизнь изо дня в день, цепляясь за случайные мелочи.

Множество интерпретаций концепции мультивселенной не говорит о том, как найти путь из одной вселенной в другую. Ходят споры, является ли вообще гипотеза мультивселенной научной. Тем не менее, кое-какие материалы о межмировых путешествиях имеются в моём распоряжении — не вполне легально. Я уверен в способности компетентных ведомств проверять факты, поэтому считаю эти данные достаточно достоверными, чтобы быть серьёзным подспорьем в моих опытах.

Интересующие меня случаи — путешествия туда, где законы бытия подобны нечётким законам сна. Сон этот может стать осознанным и управляемым в достаточно широких границах. Такие миры определяются в источниках как нестабильные.

В документах я обнаружил упоминания людей, способных к управлению реальностью в нестабильных мирах. Эти люди использовали свои способности, чтобы выйти из иного мира в наш: героиня Алиса Нейман, детектив Харламбий Ямский (дальнейшее местоположение неизвестно) и писатель Адам Проклов. Есть свидетельства возвращения и других людей из того же мира, но они не обладали интересными для меня способностями.

К сожалению, о попытках связаться с кем-либо из вернувшихся не может быть и речи: мне не положено знать о случившемся, а я не хочу раскрыть владение секретными данными. Поэтому мне предстоит самостоятельно разобраться в теме и разработать методику перехода.

Мне представляется, что путешествия между вселенными могли происходить во все времена. До популяризации фантастикой идеи параллельных миров люди объясняли это другими терминами. Возможно, кто-то попадал в реальность кошмарного сна и описывал её как ад, кто-то переносился в рай, Валгаллу или другое определяемое культурой место.

Шаманы, будучи потомственными наркоманами, видели похожие картины под воздействием психоактивных веществ, но в данном случае невозможно отличить опыт галлюцинаций от опыта путешествия. В связи с этим шаманский метод я считаю для себя бесперспективным.

Изучая источники, я отметил важность изменённого состояния сознания в момент перехода в нестабильный мир. Кто-то перешагнул грань в состоянии сильнейшего стресса и деперсонализации, кто-то — во время медитации, кто-то — в глубокой задумчивости при работе над романом, а кто-то — на грани сна. Чаще всего в этот момент у субъекта имела некая определяющая движение мысль, некое стремление, которое накладывает отпечаток на опыт пребывания по ту сторону.

В большинстве случаев переход случается неосознанно и даже неожиданно, но я убеждён, что можно достичь этого целенаправленно. В отчётах упоминаются люди вроде детектива Харлампия Ямского, трезво оценивающие происходящее и зачастую помогающие другим найти выход. По моей гипотезе, люди вроде него путешествуют осознанно и знакомы с техниками навигации в межмировом пространстве.

Более интересны примеры людей, которые, обладая такой же свободой, могут конструировать нестабильную реальность по своему желанию. К примеру, в отчётах об Алисе упоминается некий Иллюзионист. Этот человек был фактически автором реальности, в которую он заключил остальных.

Взаимосвязь географий разных миров не до конца понятна. У меня есть догадка, что точки входа и выхода должны быть увязаны. В моём случае определённого выхода в ином мире должен соответствовать вход в нашем. В остальном же пространства могут быть не связаны и даже могут иметь несовместимые аксиомы геометрии.

Из рассмотренных способов перемещения в иные миры я выбрал путь осознанного сновидения. Перемещения во время яркого сновидения — частый пример среди изученных, а осознанность исключит элемент случайности.

Существуют везучие люди, от природы способные осознать себя во сне. Не все из них могут менять реальность сновидения, но для меня владение даже базовым навыком облегчило бы дело. К сожалению, я таким умением не обладаю, да и запоминаю сновидения крайне редко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.